

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

(РОМАН Е.И. ЗАМЯТИНА "МЫ")

Шевченко Т. Л., соискатель

В статті розглядається роман Є. Замятіна «Ми» як твір жанру антиутопії в російській літературі XX ст.; зіставляються жанрові особливості утопії та антиутопії

The article deals with Zamiatin's novel «We» as a piece of antiutopia in 20-th century Russian literature; genres peculiarities of utopia and antiutopia are compared.

Роман-антиутопия Е.Замятина "Мы" привлекает внимание исследователей прежде всего как сатира на те утопические идеи, которыми была насыщена и литература, и сама жизнь России 20-х годов – времени, когда "свой план светлого будущего был у каждого" [1, с. 55]. Однако как утопия в изображении идеального общества всегда отталкивается от некоей неприемлемой его модели, так антиутопия, жанр-перевертыш, изображая общество антиидеальное, тем самым намечает границы "правильного" социального устройства, при этом отдельные черты последнего нередко проступают непосредственно в тексте антиутопического произведения. Этот феномен "сосуществования утопии и антиутопии в рамках одного литературного явления" [2, с. 154] обнаруживается и в "Мы" Замятина [3]. Но утопический "слой" романа, в силу своей второстепенности, зачастую остается обойденным вниманием, и, на наш взгляд, именно это упущение иногда приводит к неверному пониманию произведения: "Роман "Мы" – о подмене истинных духовных ценностей, великом обмане и дегуманизации общества", – пишет В.Туниманов [4, с. 72]. На наш взгляд, ценности, отстаиваемые Замяτιным, не только не являются истинно духовными, но по сути мало отличаются от критикуемых им идеалов советских утопистов.

"Мир за Зеленой стеной" в контексте произведения может показаться не столько альтернативой Единому Государству, сколько еще одним проявлением идеологии этого Государства, иным полюсом искажения человеческой личности, когда в ответ на давление математически выверенного порядка в людях просыпается иррациональное, едва ли не звериное начало (не случайно "необыкновенно белые и острые зубы" [5, с. 6] становятся характерной чертой облика главной героини, 1-330).

Доводя до абсурда утопическую идею о "совершенствующем" человека общественном строе, мудро регламентирующем его жизнь, в том числе и сугубо личную, Замятин делает одной из реалий Единого Государства общий для всех "номеров" закон, предписывающий им жить по системе "розовых талончиков", упраздняющей такие болезненные и нерациональные чувства, как любовь и ревность. Описывая представления главного героя, Д-503, о семье ("...я, он и О – мы треугольник, пусть даже и неравносторонний, а все-таки треугольник. Мы, если говорить языком наших предков, – семья. И так хорошо хоть ненадолго отдохнуть, в простой крепкий треугольник замкнуть себя от всего, что ..." [5, с. 31]), Замятин формулирует основное правило господствующего в Едином Государстве закона: "всякий из номеров имеет право – как на сексуальный продукт – на любой номер" [5, с. 16]; писатель высмеивает и современные ему ультралевые взгляды на любовь, но что он противопоставляет этому безумию? Семью? Нет, все те же бессемейные отношения. В Едином Государстве узаконена свободная любовь, а героям Замятина только хочется освободить ее от государственной опеки. И, конечно, их любовь – это действительно любовь, а не отправление физиологической потребности. В этом отношении интересно сравнить "Мы" с опубликованной в 1906 году антиутопией Н.Д.Федорова "Вечер в 2217 году", имеющей много общего с романом Замятина: здесь изображается та же унификация жизни, то же обезличивание людей, те же номера вместо имен, то же упразднение любви и семьи как помехи для всеобщего счастья. Но героине Федорова, неспособной смириться с окружающей ее действительностью, "хотелось семьи, старинной семьи, замкнутой как круг, тесно и неразрывно связанной, любящей семьи, семьи о которой теперь читают только в исторических романах" [6, с.28]. В антиутопии Замятина такое противопоставление отсутствует, и эта пустота значима, не случайна. Замятин возмущает не разрушение института брака, а ограничение, регламентация страсти. К браку, судя по его публицистике, он относился скептически: его сравнение революции с "юной, свободной, огнеглазой любовницей", которую он разлюбил, стоило ей только стать "законной супругой, ревниво блюдущей законную монополию на любовь" [5, с. 266] не просто эффектный литературный прием, но и

выразительное свидетельство о ценностных приоритетах Замятина, отразившихся в романе "Мы". (Ср. с признанием писателя в письме к Ю. Анненкову: "Блуд, сиречь, нарушение расписаний, установленных законным браком, есть, конечно, институт антирелигиозный и неорганизованный. А по-моему, маркизочка (т.е. блудница), если она занимается своим делом от души и красива, – чудесная женщина. И человек, который хорошо изображает любовь и учит любви тех, кто это плохо знает, – полезный человек." [7, с. 119]).

Семье с ее созидательной (в отличие от страсти) любовью нет места среди идеалов, утверждаемых романом Замятина, она здесь такая же притесняющая человеческую свободу догма, как и законы Единого Государства. I-330 пробуждает в главном герое любовь-страсть, и это чувство заставляет его забыть не только о своей прежней, "разрешенной" Единым Государством возлюбленной, но и о своем будущем ребенке, которого она вынашивает. И поэтому разнообразно варьирующийся в советских литературных утопиях мотив: "Семьи у нас нет. Мы свободно сходимся и расходимся" [8, с. 231] остается и жизненным принципом любимых героев Замятина.

Проповедуя абсолютную свободу личности, писатель, как уже было сказано, безусловно расходится с авторами утопий в представлении о необходимости разумного, ведущего к общему благу и, самое главное, общего для всех порядка. Главной мишенью сатиры Замятина служит утопическая мечта о том, что можно найти некий единый для всех рецепт счастья, точную формулу социального устройства, подчинив себя которому род людской обретет, наконец, долгожданное царство добра и справедливости. Иррациональное человеческое начало, "не поддающееся ни точной дозировке, ни точному учету" [7, с. 118], по мнению автора "Мы", взорвет все подобные схемы и чертежи. Утописты настаивали на том, что человек подчинится благодетельному порядку добровольно и охотно, признав в нем залог личного счастья (кучку непонимающих этого безумцев, правда, придется уничтожить). Для Замятина нелепа сама мысль о добровольном ограничении своей свободы ради чего бы то ни было. Эту мнимую добровольность он выемивает в своем романе: "благодетельному игу разума" предстоит "подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, – быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически-безошибочное счастье, – наш долг заставить их быть счастливыми" [5, с. 3]. Признавая абсолютную свободу личности главной ценностью человека, категорией, которая, собственно, личность и формирует, Замятин, как это ни парадоксально, оказывается близок утопистам верой в неограниченность человеческих возможностей, в то, что над человеком нет другого закона, кроме им самим придуманного. Все грандиозные планы и, соответственно, лозунги эпохи, зафиксированные утопией ("Как нами написано, – "Мир будет таков" [9, с. 126], "Долой природы наглое иго!" [9, с. 300], сюда же относится и уверенность в том, что со временем будет возможно химическое, в тиши лабораторий, воскрешение мертвых), основаны на этой наивной вере. Все подвластно человеку: по собственному усмотрению он может сделать свою жизнь вечной, а может и прервать ее, никаких препятствий высшего порядка к этому нет – для самоубийства в больнице готовы предоставить комнату и "все средства спокойной безболезненной смерти", ведь "если сознание пациента ясно и его решение твердо, то какие же могут быть препятствия?" [10, с. 315].

Для вырвавшегося на какое-то время из "благодетельных тенет счастья" героя антиутопии Замятина Д-503 в его вновь обретенном состоянии свободы также оказывается допустимым любое своеволие. Его, в частности, начинают посещать мысли о самоубийстве, и, за пределами морали Единого Государства, не находится системы ценностей, которая бы исключала самоубийство. Движимый не только жадной мести, но и страстным желанием почувствовать свое превосходство над жертвой, Д-503 пытается убить Ю. И хотя довести задуманное до конца ему не удастся, его победное, полное гордости собой заявление: "И я считаю: я убил ее" [5, с. 140] (герой лишь сменил орудие убийства, шток заменил смехом: "смех – самое страшное оружие") – свидетельствует о том, что на уровне его сознания убийство реализовалось, что внутри себя он эту черту переступил. К убийству, таким образом, больше нет препятствий. В контексте романа герой тем самым делает очередной шаг к обретению личности.

В романе "Мы" способность совершить убийство или самоубийство квалифицируется как проявление иррационального начала, драгоценного для автора. В утопии идеолога Пролеткульта А.А. Богданова "Красная звезда", цитированной выше, суицид, допускаемый "по уважительным причинам", – показатель разумности, рациональности общества. Однако и у

Богданова, и у Замятина в основе этой разумности одно – гордая уверенность человека в собственном всемогуществе, отсутствие всякого другого закона, кроме человеческого.

Для Замятина религия столь же непривлекательна, как и для тех авторов коммунистических утопий, с которыми он полемизирует в своем произведении. То, что герои романа, обезличенные "нумера", часто сравнивают идеологию Единого Государства с христианством, конечно, может быть истолковано как подмеченная Замятиным "великая ложь" эпохи, подмена важнейших христианских понятий внешне сходными, но по существу же совершенно противоположными представлениями: Единое Государство, "говоря словами "Евангелия" древних – единая Церковь", "День Единогласия... – это нечто вроде того, что для древних была их "Пасха" [5, с. 91-92], "... ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни материализовалось" [5, с. 45]. Однако сам Замятин считал всякую религию "только стенкой, которую человек строит из трусости, чтобы отгородиться от бесконечности" [7, с. 119], для него между тоталитарностью и соборностью нет большой разницы, и Единое Государство с его догматами – не отмена, а логическое продолжение "религии древних". Не случайно метаморфоза, произошедшая с Д-503, – "я перестал быть слагаемым и стал единицей" [5, с. 104], – характеризуется в романе как грехопадение: "– Ну-с, падший ангел. Вы ведь теперь погибли. Нет, не бойтесь?" [5, с. 51]. А возвращение героя в лоно Единого Государства дано автором как вариант притчи о блудном сыне, причем авторская ирония распространяется и на сам библейский сюжет.

Рассказывая историю Единого Государства, Замятин упоминает и о "Великой Двухсотлетней Войне между городом и деревней". в результате которой, "правда, выжило только 0.2 процента населения земного шара. Но зато очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли. И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства" [5, с. 16]. Писатель явно пародирует иезуитскую логику советских утопий, согласно которой "цель оправдывает средства" (особенно ярко это настроение выражено в поэзии Маяковского: "Авелем называйте нас /или Каином. /Разница какая нам!/ Будущее наступило!/Будущее победитель!... /Горизонт перед солнцем расступился злюч. /И только что /мира пол заклавший. /Каин гением взялся за луч /как музыкант берет за клавиши" [9, с. 160]). Тем не менее свержение власти Единого Государства и установление альтернативного порядка представляет похожую картину: ради смены энтропии энергией, "если уж это будет неизбежно – можно будет направить вниз дула двигателей /"Интеграла"/ и одной только их работой..." [5, с. 115] вновь уничтожить 0,8 процента, чтобы оставшиеся две десятых "вкусили блаженство" на этот раз в "чертогах" Государства Мефи.

Да и победа города на деревней в Едином Государстве только на первый взгляд вызывает скорбь повествователя. Намек на самоценность провинции, попорченной в утопии Мировым Городом, – прием "выворачивания наизнанку" положений утопии. Сама по себе деревня, провинция не представляет для писателя большой ценности. Замятин еще в ранних произведениях, в "Уездном", выразил свою нелюбовь к патриархальному быту. Традиция для него – синоним косности, энтропии и, опять-таки, ограничения свободы "я", смысл жизни он видит в борьбе со старым, с энтропией, писатель по существу отстаивает революционный путь общественного развития: "Безгосударственный строй явится результатом тоже какой-нибудь революции. Мечты об эволюционном пути к этому строю представляются несомненной утопией" [5, с. 346].

Весь сарказм Замятина, направленный на современный ему утопизм мышления, сводится, фактически, к бичеванию недавних революционеров за то, что, победив, они отступились от идеи вечной революции и стали утверждать некую конечную истину, которая, независимо от ее содержания, именно в силу своей конечности не устраивает Замятина. В то же время у него был "свой план светлого будущего", от этого будущего человечество отделяет еще множество революций, но оно разительно похоже на утопические грезы современников Замятина: "... – будет время – оно придет непременно, – когда человечество достигнет известного предела в развитии техники, время, когда человечество освободится от труда, ибо за человека станет работать побежденная природа, переконструированная в машины, в дрессированную энергию. Все преграды будут устранены на земле и в пространстве, все невозможное станет возможным. Тогда человечество освободится от своего векового проклятия – труда, необходимого для борьбы с природой, и вернется к вольному труду, к труду-наслаждению... Настоящее искусство придет в эру великого отдыха, когда природа будет окончательно побеждена человеком" [7, с. 118].

Антиутопию часто представляют полной противоположностью утопии, однако, как показывает анализ романа Замятина, у этих жанров бывает немало общего, далеко не всякая антиутопия является отрицанием утопических идей по существу. В некоторых случаях, как это видно на примере романа Замятина, зависимость от жанра-антипода бывает сильной. Коммунистической утопии в романе "Мы" по-настоящему противопоставляется только идея личной свободы, но, достигнув ее, герой выбирает ту же самую систему ценностей, которую предлагает ему Единое Государство – любовь, не перерастающую в семейные отношения, безверие, неограниченное дерзание.

Литература

1. Шайтанов И. Мастер // Вопросы литературы. – 1988. – №12. – С.32-66.
2. Каракан Т. Роман Е.Замятина "Мы": Проблема жанра / Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: Межвуз. сб. науч. ст./ Отв. ред. В.Захаров. – Петрозаводск: ПГУ, 1991. – С.153-157.
3. Гальцева Р, Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. – 1988. – №12. – С.217-231.
4. Туниманов В. Что там дальше (Достоевский и Замятин) // Русская литература. – 1993. – №1. – С.61-81.
5. Замятин Е. Избранные произведения: В 2 т. – Т.2. – М.: Худож. лит., 1990. – 410с.
6. Федоров Д. Вечер в 2217 году / Вечер в 2217 году: Русская литературная утопия / Сост. В.Шестаков. – М.: Прогресс, 1990. – С.23-42.
7. Анненков Ю. Евгений Замятин // Литературная учеба. – 1989. – №5. – С.112-132.
8. Окунев Я. Грядущий мир / Вечер в 2217 году... – С.215-234.
9. Маяковский В. Полное собр. соч.: В 13 т. – Т.2. – М.: Гослитиздат, 1956. – 520 с.
10. Богданов А. Красная звезда / Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX – начала XX века / Сост. С. Калмыков. – М.: Мол. гвардия, 1979. – С.248-380.